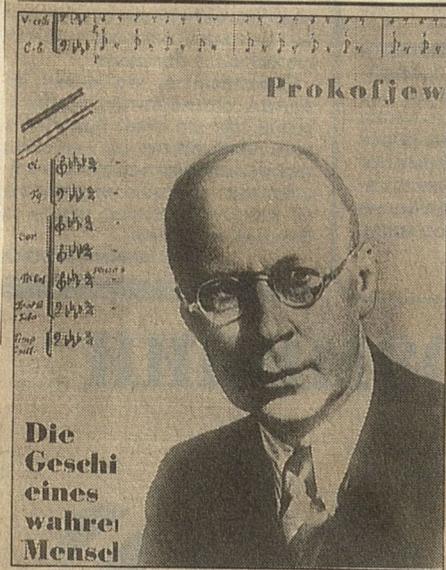

21.1.95.

Прокофьев Сергей

679

Георгий АНСИМОВ

Продолжая публикацию новой книги известного оперного режиссера Георгия Ансимова «Сергей Прокофьев: тропаю оперной драматургии», мы предлагаем вашему вниманию фрагмент, в котором отражены взаимоотношения С.Прокофьева и В.Мейерхольда в период создания знаменитой оперы «Семен Котко».

Среди многочисленных знакомых, с которыми Сергей Прокофьев был связан еще с 10-х годов, был Всеволод Мейерхольд.

У Мейерхольда была давняя и сильная тяга к композитору и со-

Продолжение, начало в № 244 за 1994 г.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ

Удушающий дым Отечества

трудничеству с ним начинающая с «Трех апельсинов». Музыку к драматической постановке он предлагал писать Прокофьеву. Это не состоялось. Прокофьев написал оперу «Любовь к трем апельсинам», не упоминая авторов сценария. Мейерхольд хотел ставить «Апельсины» в Большом театре, и это не удалось. Не повезло и с оперой «Игрок», которую режиссер хотел ставить сначала после ее написания в 1916 году, а затем после окончания

второй редакции в 1927 году. Прошло чуть не четверть века. По возвращении Прокофьева в Россию, Мейерхольд обратился к нему с предложением написать музыку к драматическому спектаклю «Борис Годунов», который он хотел ставить в Гостиме. Они договорились о возможности долгожданного сотрудничества. Мейерхольд написал подробнейший музыкальный сценарий и 16 ноября 1936 года прослушал в театре фрагменты музыки к спектаклю в исполнении автора. Но и эта постановка не состоялась.

Было что-то фатальное в многократно намечавшихся, но так и не состоявшихся творческих контактах. Но вот, казалось, пришло время для главной встречи - работы над постановкой оперы «Семен Котко». Два великих мастера наконец-то встретились...

Очень большой Константин Сергеевич Станиславский много лет крайне терпимо относился к критике в свой адрес со стороны своего ученика В.Мейерхольда. Более того. Благородный, чуткий, уже не очень здоровый старик,

узнав о том, что Театр Мейерхольда (который, стремясь быть на вершине классовой борьбы, уже был переименован в Гостим - Государственный театр имени Мейерхольда) закрывается, а его руководитель, несмотря на демонстративную приверженность борьбе за социализм, остается без работы, пригласил его в свой Музыкальный театр.

В октябре того же года Станиславский скончался, и Мейерхольд был назначен главным режиссером театра. Он сразу же включается в работу над «Котко». Режиссер просил Прокофьева сыграть хотя бы два готовых акта. Не любивший показывать неоконченную работу, Прокофьев тем не менее согласился, ибо для него встреча с Мейерхольдом была долгожданной. На другой же день на собрании труппы Мейерхольд торжественно объявил о готовящемся шедевре. Прокофьев еще продолжал обдумывать вторую половину оперы, а Мейерхольд, и без того умевший широко рекламировать свою работу, делал все возможное и невозможное, чтобы активизировать композитора и сделать действительно исторический спектакль. И он, и все окружающие понимали, что постановка оперы, написанной великим мастером на советскую тему, на сцене молодого советского Театра имени Станиславского, где только что главным режиссером назначен нашумевший и раскритикованный Мейерхольд, может прекратить гонения, которые преследуют мастера последнее время. Новый главный со свойственной ему энергией добивается от автора разрешения разузнать еще не законченную оперу, и тот, зная, как это важно для Мейерхольда, согласился.

В конце 1938 года Мейерхольд поехал в Ленинград на постановку «Маскарада» и удачно осуществил третью сценическую редакцию спектакля. 26 июня 1939 года там же, в Ленинграде, его арестовали. Так закончилась единственная творческая встреча Прокофьева и Мейерхольда.

Это был 1939 год - кульминация гонений и страха в стране. Если одни ждали «Семена Котко» как открытия, удача, праздника, другие не исключали негативного исхода, тем более что президент уже был - оценка оперы Д.Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда» в газете «Правда». К Прокофьеву и театру было приковано напряженное внимание.

Руководство поняло, что с арестом Мейерхольда под ударом оказалась репутация и судьба театра. Особенно страшно стало, когда в театр прибыли работники НКВД и, сделав обыск в кабинете главного режиссера (уже арестованного Вс.Мейерхольда), изъяли документы и опечатали кабинет. Мечущееся театральное руководство, «посоветовавшись», решило, что имени Мейерхольда не должно быть в биографии театра. Но сделать это было трудно - слишком громко звучало имя репрессированного. Но придумали. Только имя Станиславского могло быть противопоставлено имени крамольного режиссера. Но Станиславского нет. Тогда кто-нибудь из учеников должен затмить имя «врага». Так возникло - после долгих метаний - имя Серафимы Бирман.

Фанатический последователь великого учителя, Серафима Германовна Бирман никогда не работала в оперном театре, и ее приход на постановку был не во имя Прокофьева

(до постановки она с ним даже не была знакома), а во имя Станиславского. Но ее молитвенная влюбленность не компенсировала некомпетентности. Да она и сама признавала: «Вряд ли Прокофьев был доволен нами - режиссурой, певцами (не знаю, как дирижером М.Жуковым), художником. Помню, как раздраженно требовал он от меня, чтобы с артистами хора и «миманса» я добились совершенного исполнения одной из его «каденций» (С.Бирман «О Сергее Прокофьеве»).

Такая обстановка не могла не повлиять на работу автора оперы. Оно так и случилось.

Стремительный поток прокофьевского вдохновения все чаще налетывает на пороги, повороты, перепады.

*Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговора,
Там припомнят кремлевского горца...*

Мандельштам

Постоянный контроль «сверху», хотя на словах и доброжелательный. Но Прокофьев чувствует затягивающуюся петлю...

Переживший закрытие своего театра, назначенный в Театр имени Станиславского, Мейерхольд, выступая впервые перед труппой, говорил: «...было бы преступлением, если бы мы вообще взяли под подозрение социализм, если бы вообще стали ризовать проблему социализма...

Давая программу на два-три года, я ни одной классической оперы не назвал. Я это сделал умышленно. Вот почему. Этот театр грешен перед страной тем, что он до сих пор не сделал основной установки на советскую оперу!» Мейерхольд, травмированный закрытием театра и почти изгнанием из искусства, и здесь, в оперном театре, горюпитс. Он хочет быть правильно понятым и «закрыть прошлое», начав новую жизнь.

И вдруг - арест Мейерхольда, театральная паника. Бирман, которую Прокофьев совсем не знал и которой при первой встрече объяснял, что он делает в опере «Семен Котко»..., приходя в театр, видела опечатанный НКВД кабинет Мейерхольда, в котором композитор показывал Мейерхольду, Катаеву и Мясковскому свои первые акты... Вот обстановка, в которой Прокофьев выпускал свое первое произведение на советскую тему для оперного театра.

Публикацию подготовила Ирина ГОРИОНОВА.

Рос. Версия - 1995 - Мемв. - с. 4.